

РАЗДЕЛ 2. ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

УДК 316.6

ДИСКУРС ИНАКОВОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (на материале высказываний в социальных сетях, на дискуссионных форумах и интервью)

*Eliza Grzelak professor UAM dr hab (Польша)
Университет им. Адама Мицкевича, Познань*

Аннотация. Предметом представленного ниже анализа были высказывания учеников средних школ и студентов в социальных сетях и на дискуссионных форумах, опубликованные в 2012-2015 гг. Использовались, кроме того, материалы, собранные при помощи анкетирования и интервьюирования в 2015 г. Полезным оказалось также включенное наблюдение. Выводы были сформулированы на основании текстологического анализа собранных материалов. Данный текст представляет собой фрагмент более широкого исследования современной аксиологической системы. Текст посвящен проблеме аксиологической модификации понятий (названий ценностей), используемых в дискуссии на тему чужого. При анализе языка спора учитывались текстовые и культурные оттенки значения и коннотации использованных спорщиками оценочных средств (валоризантов). Названия ценностей и способы их профилирования – это важный фактор, интегрирующий коммуникативное сообщество; семантические сдвиги, различные модификации в этой области могут затруднить формулировку легко понимаемого сообщения. Дидактика – это форма дискуссии, и она требует использования однозначных терминов и понятий; без знакомства с аксиологическими тенденциями, характерными для учеников, учитель не сможет эффективно коммуницировать со школьником, который, несмотря на недостаток опыта, все раньше становится активным участником общественной жизни.

Ключевые слова: аксиология, свой, чужой, патриотизм, национализм, толерантность.

DISCOURSE OF OTHERNESS AMONG YOUNG PEOPLE (BASED ON UTTERANCES TAKEN FROM SOCIAL NETWORKS, DISCUSSION FORUMS AND INTERVIEWS)

E. Gzhelyak

Adam Mickiewicz University, Poznan

Abstract. The paper analyses utterances of secondary school pupils and students used while communicating on social networks and during discussion forums

and published in 2012-2015. Besides, the author uses some data collected in 2015 by conducting surveys and interviews. The observation results included in the paper turned out to be very useful, too. The conclusions were formulated on basis of textological analysis of collected data. This article is an extract of the wider research of axiological system. The paper is devoted to the problem of axiological modification of some notions (names of values) used while discussing “the Other” topic. While analyzing the language of discussion the author takes into account textual and cultural connotations as well as the connotations of evaluation means (valorizants) used by interlocutors. The names of values and ways of their profiling serve as an important factor integrating communication community; semantic shifts and various modifications in this area may complicate the formulation of a message that is easy to understand. Didactics is a form of discussion and it requires using monosemantic terms and notions; without knowing the axiological tendencies typical for pupils no teacher can communicate with the pupils effectively as the pupils despite the lack of experience become active participants of social life earlier.

Key words: axiology, the Same, the Other, patriotism, nationalism, tolerance.

В последние годы в рамках польского публичного дискурса активизировалась группа его самых молодых участников: молодежь в возрасте 14-25 лет решила принимать участие в определении собственной судьбы. Это учащиеся профессиональных школ, гимназий, лицеев и студенты. Часть из них начала публично формулировать свои взгляды в локальных организациях – главным образом, в органах местной власти. Среди участников последних выборов увеличилось количество очень молодых людей, в том числе, даже девятнадцатилетних, и некоторые из них были избраны за счет голосов, принадлежащих ровесникам. Победила убежденность, что они будут представлять свое поколение. Другие молодые люди очень активно участвуют в интернет-дискуссиях в социальных сетях, особенно на Фейсбуке.

Их присутствие в общественной жизни является также проявлением поколенческого бунта, поскольку доминирующие взгляды этой возрастной группы находятся в оппозиции к тем, которые присущи большинству людей в возрасте 35-55 лет. Разница между этими поколениями становится очевидной, среди прочего, в связи с отличающимся определением значений лексем и изменением текстовых коннотаций понятий, используемых в споре. Это касается и оценочных средств – особенно полюса оценки (плюс или минус).

Интересы молодых людей в публичных дискуссиях концентрируются на нескольких проблемах: проявлениях патриотизма, национальной идентичности, понимании демократии, отношении к чужому, общественной справедливости. Реже затрагиваются экономические темы, а если о них все же идет речь, то обычно в контексте проблем, перечисленных выше, или в связи с собственной профессиональной карьерой.

Исследования показывают, что такое положение вещей обусловлено компетенцией участников спора. Дискуссия на экономические темы, особенно если она связана с конкретными вопросами, требует специальных знаний – такую дискуссию нельзя долго поддерживать на самом общем уровне. В то же время общественные и культурные проблемы кажутся простыми, понятными и не требующими углубленных знаний, а молодые люди, выросшие в мире современных технологий, располагают все чаще как раз широкими, но неглубокими знаниями [1].

Развитие коммуникационных технологий образовало нечто вроде барьера, делающего затруднительным поиск правды, задавание вопросов, формулирование проблем, углубление и проверку знаний. Познавательные возможности, созданные интернетом, высоко ценятся пользователями. Можно побывать в неизвестных раньше местах, найти любую информацию, прочитать множество текстов, посмотреть фильм, познакомиться с рецензией на него, пообщаться с интересными людьми. Кажется вполне справедливым утверждение, что интернет открыл пользователям огромные познавательные возможности и стал незаменимым инструментом в постижении и интерпретации мира. Он делает возможным быстрый обмен мыслями, консультации со специалистами или более компетентными в данной области людьми, например, на специализированных порталах.

Познание мира посредством интернета характеризуется, однако, и некоторой ограниченностью; прежде всего, оно может ослабить познавательные и интерпретационные возможности пользователей. Только 24% опрошенных проверяло данные – большинство полностью доверяло неавторизованным сообщениям, принадлежащим любителям и блогерам, и, пользуясь полученной информацией, признавало ее точной и проверенной, особенно в тех случаях, когда она соответствовала собственным общим знаниям или идеологическим убеждениям [2].

С точки зрения поиска истины существенной проблемой является ограничение познавательного процесса избранными источниками, сайтами, страницами; это положение вещей не только влияет на идеологические предпочтения или форму участия в культуре, но также формирует специфический язык, не позволяет постигать мир с разных перспектив, не учит релятивизму и верификации. Такое познание не возбуждает сомнений, не вызывает вопросов, то есть не позволяет развиваться интеллектуально, не мотивирует более глубоко познавать мир. Обусловленность, несвобода выбора источника знания заставляет вспомнить о корреспондентской концепции истины: истинно то, что является очевидным – в соответствии с собственным субъективным опытом [3].

Не помогает и доступ к широкой, глобальной информации, который является помехой для адекватного познания. Школьники и студенты благодаря интернету обладают обширными знаниями в разных областях жизни и науки, однако эти знания поверхностны. Респонденты не чувствуют потребности их углубления, а также установления связи между имеющимися

данными и другими существенными фактами. Они получают факты вместе с комментариями, не подвергая их критике. Познавательный процесс, протекающий в электронной среде, не обучает дедукции, ослабляет потребность достижения цели, открытия истины [4].

В соответствии с лингвистической концепцией истины Л. Витгенштейна [5], первоочередные инструменты презентации истины, к которым принадлежат специализированный текст и адекватно выбранный код передачи информации, постепенно утрачивают свое значение как обязательное условие содержательного общения. Представленные ниже выводы сигнализируют о серьезных проблемах, возникновение которых обусловлено детерминизмом в области использования языка, неверно понимаемой свободой слова и убеждением, что каждое индивидуальное мнение носит характер научной истины. До сих пор, когда мы размышляли об отношении к чужим, то главным образом обращали внимание на язык агрессии и отсутствие толерантности, причиной которых были незнание, страх, чувство угрозы. Мы рассуждали о необходимости нейтрализации негативных стереотипов [6]. Казалось, что общественно-культурное образование может предотвратить формирование таких взглядов, исправить отношения на культурных границах. Однако существуют и другие проблемы, скрытые еще глубже и связанные с системой языка. Понятия и их семантические компоненты отражают мнения и опыт носителей языка и в то же время формируют их и закрепляют. Семантические и аксиологические сдвиги не только демонстрируют, как изменяется взгляд на окружающую действительность, но также сигнализируют об имеющихся тенденциях и сообщают о том, как эта действительность будет формироваться в будущем [7].

Именно поэтому существенным элементом содержательного дискурса являются термины и понятия и их адекватное употребление в контексте, соответствующие узуальному значению / дефиниции. Эффективность коммуникации поддерживается также однозначной аксиологической интерпретацией в сфере дополнительных семантико-прагматических свойств единицы. Ключевыми понятиями, используемыми в интернет-дискуссиях на тему чужого, являются следующие: *патриотизм, патриот, настоящий патриот, национализм, интернационализм, ксенофобия, национальная идентичность, культурная идентичность, чужой, враг, иммигрант, беженец, толерантность, принятие, католик, поляк, настоящий поляк, суверен, народ*. Эти понятия соотносятся с тремя семантическими полями: отношение к родине, отношение к чужому, самоидентификация. Поля, в свою очередь, связаны между собой отношениями импликации: из отношения к Польше вытекает отношение к чужому, и то и другое в совокупности определяют восприятие себя самого. Принимая во внимание ограничения, связанные с объемом публикации, мы подробно остановимся на четырех понятиях: *патриотизм, национализм, чужой, толерантность*.

Множество сомнений связано с коннотациями центрального в рамках

данной дискуссии понятия – *патриотизм*. Энциклопедическое определение, закрепленное в словарях польского языка, выразительно и однозначно. *Словарь польского языка* Самуэля Богумила Линде определяет патриота как гражданина, ревностно защищающего интересы своей родины, радеющего о ней так же, как о собственном благополучии [8, т. IV]. В более позднем издании *Словаря польского языка* под редакцией Витольда Дорошевского *патриотизм* – это исключительно «любовь к родине, связанность с народом» [9, т. VI]. Среди примеров использования языковой единицы, однако, можно столкнуться с пониманием патриотизма как преданности родине, борьбы за нее, а также отсылкой к национальным, государственным символам, среди которых обнаруживаются, в частности, традиционные шляхетские костюмы. Патриотизм понимается также как память об истории страны. В *Практическом словаре современного польского языка* под редакцией Г. Згулковой *патриотизм* – это «отношение к родине, народу, характеризующееся любовью к ним и готовностью пожертвовать ради них любыми благами (даже жизнью), приоритет основных ценностей (например, независимости, свободы) над собственными целями» [10, т. 28]. Антонимом *патриотизма*, понимаемого таким образом, является *интернационализм*. Среди названных семантически близких единиц не хватает термина *национализм*. Последний мы обнаружим в *Большой иллюстрированной популярной энциклопедии*, где *патриотизм* – это «любовь к родине, часто противоположность космополитизма». Под данным определением находится отсылка к термину *национализм* [11, т. XII]. Менее ограниченную дефиницию лексемы *патриотизм* предлагает *Словарь иностранных слов* под редакцией И. Каминьской-Шмай: это не просто «любовь к родине и чувство сильной связи с собственным народом, готовность пожертвовать собой ради их благополучия», это также «уважение к другим народам» [12]. В ходе периода преобразований филологи провели исследование аксиологических изменений в польском языке [13]. *Патриотизм* как название ценности во время трансформации государственного устройства в 1990 г. понимался респондентами как ‘любовь к родине / связанность с родиной / чувство связи с родиной’, то есть определение сводилось к базовому элементу большинства упрощенных словарных дефиниций. Другие коннотации, связанные со вторым элементом приведенных выше дефиниций: ‘жертва во имя родины’, ‘верность родине’, ‘защита родины и борьба за нее’, ‘преданность родине’ – упоминались реже. В анкетах, обследованных учеными, обнаружили также новые текстовые и культурные коннотации, отсутствующие в словарных дефинициях: ‘работа на благо родины’, ‘благо родины’, ‘уважение к родине’. В 2000 г. анкетирование было проведено повторно. На этот раз меньшее количество опрошенных отметило ‘любовь к родине / связанность с родиной / чувство связи с родиной’ как проявление патриотизма. В анкетах появились ‘жертва для родины’, ‘защита родины / борьба за родину’, ‘преданность родине’, снизилось количество упоминаний компонентов ‘работа на благо родины’, ‘благо родины’, ‘уважение к родине’. Отмечено, кроме того,

появление новых коннотаций понятия *патриотизм*: ‘традиции’, ‘единство граждан’, ‘уважение к государственным символам’, ‘тоска по родине’ и ‘ответственность за родину’. Авторы исследования отметили, что дихотомическое деление на романтико-героическое (преданность, защита, любовь) и позитивистское (работа, забота, верность, уважение) восприятие патриотизма теперь усложняется действием нового семантического фактора – ностальгически-эмигрантского (традиция, символы, тоска, единство) [13, с. 399–403].

Результаты исследований, проведенных нами в 2015 г. с использованием другой методологической базы, включающей в качестве инструментов анкетирование, интервьюирование, текстологический анализ, не позволяют сравнить данные, полученные в 1990, 2000 и 2015 гг., исчерпывающим образом, однако некоторые выводы сопоставить возможно. Последнее по времени исследование ориентировалось на представителей трех поколений: рожденных в свободной Польше (16-25 лет), формировавшихся и профессионально активных во время социально-политической трансформации (45-65 лет), и поколения Польской народной республики (больше 65 лет). Имея в виду тему нашей работы, обратим внимание на способы описания значения лексемы *патриотизм* и текстовые коннотации этого понятия, встречающиеся в ответах младшего поколения. При попытке дать простое энциклопедическое описание лексического значения последовательно встречается один семантический компонент – ‘любовь к родине’. В этом отношении различия между представителями разных поколений отсутствуют. Самые старшие и самые молодые одинаково часто приводят другую коннотацию – ‘жертвенность по отношению к родине’, среднее поколение упоминает ее значительно реже. Доминирует романтическая интерпретация: патриотизм – это любовь, защита, борьба, жертвенность. Текстовая коннотация ‘верность’, которую исследователи ранее описывали как позитивистскую, в настоящее время располагается в сфере романтико-героической. Это «верность в опасной ситуации, в борьбе – главным образом борьбе за сохранение идентичности», «верность любой ценой». Коннотации, интерпретировавшиеся как ностальгически-эмигрантские, все еще воспроизводятся: быть патриотом значит культивировать традиции, отмечать национальные праздники, относиться с уважением к государственным символам, быть частью народного единства. В ответах самой младшей группы появились новые коннотации, до сих пор не представленные настолько широко: быть патриотом значит быть католиком, ставить на первое место интересы своей страны, противостоять доминированию других стран, укреплять мощь своей страны, бороться за обретение свободы и независимости. В этих последних формулировках респонденты нередко переходили от общего к частному: здесь реже появлялись лексемы *страна, народ*, зато чаще – *Польша, поляки*. Понятие *патриотизм* часто сопровождалось атрибутом *настоящий* (*настоящий патриот, настоящий патриотизм, настоящий поляк*) [14]. В результатах

опросов 1990 г. коннотация 'борьбы за родину / защита родины' находилась на 6 месте, в 2000 г. – на третьем, в 2015 она делит первое место с коннотациями 'любовь к родине' и 'жертвенностью по отношению к родине'.

Все чаще, особенно в рамках электронного общения, понятия *патриотизм* и *национализм* используются как синонимы. Это новое явление, которое демонстрирует, что память об опыте XX века постепенно стирается. В соответствии со словарем Линде, *националист* – это «соотечественник, земляк», *национальный* – «народный» [8, т. III]. В словаре Дорошевского, который был издан после Второй мировой войны и редактировался автором, получившим военный опыт, находим следующую формулировку: «идеологическое и политическое течение, связывающее основные моральные критерии с понятием народа и требующее привилегий для собственного народа, что сопровождается дискриминацией других народов и агрессивностью в их отношении» [9, т. IV]. В *Практическом словаре современного польского языка*, как и в предыдущем случае, из дефиниции вытекает, что данная лексема именует отрицательную ценность: «идеология, ставящая интересы собственного народа выше всех остальных ценностей, характеризующаяся неприязненным, нетолерантным, ксенофобским отношением к другим народам; система общественно-политических взглядов, предполагающая реализацию этих настроений» [10, т. 22].

В 1990 г. в работах, касающихся аксиологических изменений во время общественно-политической трансформации, исследователи зафиксировали на первых трех местах позитивные компоненты: 'любовь к народу / прославление собственного народа / привязанность к народу', 'предпочтение собственного народа', 'крайняя форма патриотизма'. На более низких местах расположились негативные компоненты: 'отсутствие толерантности', 'ненависть к другим народам', 'агрессия по отношению к другим нациям', 'фашизм'. В 2000 г. на первых двух местах были 'крайняя форма патриотизма' и 'предпочтение собственного народа', на третьем – 'любовь к народу / прославление собственного народа / привязанность к народу', далее – негативные компоненты, представленные, однако, в самом общем виде: 'отсутствие толерантности', 'негативные взгляды', 'ослепленность', 'фанатизм' [13, ss.403-407].

Имея в виду специфику коммуникативного поведения, можно сформулировать следующий тезис: пока проблема национализма была периферийной, респонденты называли вещи своими именами (1990), когда же проблема сделалась актуальной, описание лексического значения единицы *национализм* стало более поверхностным (2000), однако ее негативная оценочность еще была очевидной. В 2015 г. молодые люди, формулируя в анкетах определение понятия *национализм*, обращают внимание на позитивные коннотации: 'сильный патриотизм', 'забота о своей стране', 'собственная страна на первом месте', 'забота о своем народе'. Редко обнаруживались коннотации, связанные с представлением о более высоком положении своего народа по сравнению с другими или о крайности

националистических взглядов. Эти же люди, однако, в ответах на тему «Другого» / «чужого», особенно в контексте исторических конфликтов и иммиграционных проблем Европы, явным образом демонстрировали неприязненное отношение к чужакам. В качестве оправдания такой позиции использовались соответствующим образом отобранные, часто фальсифицированные факты, цитаты, особенно часто – отсылки к историческому опыту народа. Исторические знания респондентов, однако, носили односторонний характер; как уже сообщалось выше, люди, выросшие в эпоху информационных технологий, часто обладают поверхностными знаниями, формируемыми в соответствии с усвоенными идеологическими взглядами, воспринимают информацию некритично, игнорируют разные перспективы и точки зрения, не учитывают относительность оценок. Также при ответах на поставленные вопросы респонденты часто цитировали сомнительные источники.

Восприятие национализма как усиленного патриотизма в настоящее время представляет собой тенденцию. Даже журналисты, печатающиеся в авторитетных газетах и журналах, знаменитости могут констатировать, что они являются националистами, поддерживают национализм, оговариваясь, что имеется в виду национализм в положительном смысле [15]. В качестве аргумента при этом используется утверждение, что национализм – это не нацизм и не фашизм, и даже не национальный шовинизм. Процесс отхода негативных коннотаций понятия *национализм* на задний план можно увидеть в *Словаре иностранных слов* И.Каминьской-Шмай. В представленной здесь дефиниции подчеркивается научность (объективный характер) термина: «идеология, политическое движение, а также тип общественно-политических взглядов, которые главной ценностью считают интересы собственного народа; этой позицией определяются особенности политической деятельности, а независимое государство считается лучшей моделью организации общества, объединенного происхождением, языком, культурой и историей». Только во второй части отмечено, что «убежденность в безусловном приоритете целей собственного народа может привести к ксенофобии, нетолерантности, а в крайних случаях – к шовинизму» [12]. В приведенной дефиниции присутствуют два аспекта, связанные с негативными коннотациями. Главным образом последние связаны со второй частью, где сообщается, что, хотя национализм – это нейтральное явление, он может быть причиной негативно оцениваемых взглядов; однако и в первой части имеет место семантический компонент, вызывающий аксиологические сомнения: не ограничивает ли государство как модель «общества, объединенного происхождением, языком, культурой и историей» права национальных и этнических меньшинств?

Процесс перехода от патриотизма до национализма продолжался несколько лет; имеющееся положение вещей является результатом эксплуатации названий ценностей как аргумента в идеологических спорах. Сначала достаточно было быть патриотом, позднее потребовались

настоящие патриоты, с течением времени появилась необходимость в еще более мощных аргументах, а потому пришлось стряхнуть пыль с понятия *национализм*, которое переместилось из аксиологического поля со знаком минус в сферу положительно оцениваемых сущностей за счет выделения исключительно позитивных коннотаций: национализм – это усиленный патриотизм. Все чаще в социальных сетях появляются утверждения вроде «я националист, и не стыжусь этого», «в том, чтобы быть националистом, нет ничего плохого, нужно заботиться о собственном народе», «националист – это ведь патриот, в патриотизме нет ничего плохого», «как националист, я считаю, что...» и т.п.

Интерпретация понятий *патриотизм* и *национализм*, в свою очередь, влияют на интерпретацию понятий *свой* и *чужой*, очень важных с точки зрения межкультурной коммуникации. Базовая категория, организующая окружающую действительность, – категория **свой / чужой** – решающий фактор, формирующий групповые отношения. Описание свойств одной сущности осуществляется на основе ее противопоставления другой сущности. *Свой* обладает похожей системой ценностей, похожим образом воспринимает мир, так же мыслит и – прежде всего – не представляет собой угрозы. Семиотический образ *своего* – это зеркальное отражение я. *Свой* похожим образом одевается, ведет себя, ест то же самое. *Свой* – это тот, с кем я связан, по отношению к кому я испытываю положительные эмоции. «Свойскость» предполагает близость, сходство, логичность, понятность, принятие, безопасность. Восприятие *чужого* в посттоталитарных демократических странах определяется все еще сохраняющейся общественной памятью. Возвращаются привычка не выделяться, не эпатировать собственной непохожестью на остальных, чувство, что безопаснее быть одним из многих, человеком, не бросающимся в глаза. В девяностых поколение общественно-политической трансформации отказалось от такого типа поведения в пользу американского стиля самопрезентации, который трудно было принять тем, кто воспитывался в Польской народной республике, поскольку этот стиль не соответствовал общественным конвенциям и этикету. Таким образом, начали сосуществовать два разных взгляда на чуждость (инаковость). Сегодня можно говорить о конфронтации этих двух крайне отличающихся позиций. Одни принимают любые различия, хотят усвоения чуждости, считают, что разнообразие нас обогащает. Другие отрицают позитивный взгляд на трансформацию, воспринимают чуждость как угрозу для всего польского, и это представление доминирует среди молодых людей (16-25 лет). Их позиция по отношению к чуждому является среди прочего результатом романтико-героической интерпретации патриотизма, который воспринимается как позитивная разновидность национализма. Культивирование всего польского, защита идентичности, польской системы ценностей приводит к тому, что *настоящие патриоты* отвергают любые проявления глобализации и чуждости (инаковости). Объяснения (оправдания) своих взглядов они ищут в

польской истории и в угрожающей отдельным нациям открытости Евросоюза. Патриот-романтик не хочет особых прав для меньшинств («они должны жить по-польски»), открытия границ для эмигрантов и беженцев («они представляют угрозу для религиозной идентичности»), помнит и напоминает другим о сложных отношениях с соседями (Советско-польская война, Волынская резня, Катынь, гитлеровская оккупация). Он не принимает релятивизма, не замечает других точек зрения, не обращает внимания на исторические изменения. Черно-белая перспектива восприятия мира, характерная для молодежи, может быть с течением времени нейтрализована жизненным опытом, но возможно и ее закрепление.

С точки зрения дидактики, наиболее адекватный подход – это представление учащимся других, отличных взглядов, но не в форме внушения, а скорее в виде вопросов и сомнений. Этот тип дискуссии заставляет формулировать ответы, искать аргументы – и здесь можно продемонстрировать непоследовательность убеждений. Важно, чтобы инициатором дискуссии на такие темы был человек, который является для оппонентов авторитетом, которого они уважают. Уважение чужих взглядов и позиций должно быть основой в такого типа спорах – оно нейтрализует агрессию. Невозможно никого убедить в чем-либо за пять минут, но появившиеся сомнения могут принести результат в будущем. В рамках такой дискуссии самой эффективной формой коммуникации является открытое повествование от первого лица: «по-моему, это может быть...», «я не уверен, что...», «мой опыт заставляет меня опасаться, что...» и т.п. Эффективно использование модальных слов (*кажется, может быть, вероятно*), хорошие результаты приносит использование условного наклонения.

Восприятие чужого как врага, то есть как угрозы для идентичности, свободы, общественного и экономического положение, как источника преступности, является, в том числе, следствием полученного образования. В польских учебниках мы обнаружим минимум информации на тему этнических и национальных меньшинств в Польше. Ученики, которых спрашивают о польских евреях, говорят о холокосте и Я. Корчаке, но не помнят, что большинство выдающихся творцов межвоенного периода (1918–1939) по происхождению было евреями. В интернет-дискуссиях энтузиасты *инаковости* напоминают об этом, а также открывают не такие славные страницы истории – например, связанные с проявлениями антисемитизма. Поляки мало знают о культуре и истории польских цыган, украинцев, русских, татар, ничего не слышали о лемках (русинах). Такое положение вещей приводит к тому, что отношение к согражданам, отличающимся по этническому, национальному признаку, формируется на основе негативных стереотипов, аккумулирующих упрощенные, поверхностные знания на тему Другого. Дихотомическое восприятие мира в рамках категории **свой / чужой** (интерпретируемой как **друг / враг**) обуславливает формирование убежденности в том, что *свой* стиль поведения, мышления, чувствования очевиден для всех, является единственно верным, лучшим [16, с.165–170]. С

филологической точки зрения более нейтральным в аксиологическом отношении является понятие *другой*, основная коннотация которого – «выглядит, думает, чувствует не так, как я». *Другой* – это такой, который «отличается по национальной принадлежности», «принадлежит к другому поколению», «думает не так, как я», «отличается от меня», «странный». Здесь редко появляются коннотации, связанные с негативной оценкой и вызывающие чувство опасности, типичные в случае интерпретации понятия *чужой*. Лексема *другой* в анкетах нечасто появлялась в примерах, предполагающих интерпретацию другого как врага (2%). Больше 60% контекстов использования лексемы *чужой* было связано с чувством опасности, угрозы. Оказалось, что легче быть снисходительным (толерантно относиться) к *инаковости*, чем к *чуждости*. Исключением является *инаковость* в сфере сексуальных предпочтений. Границы между *инаковостью* и *чуждостью* обнаруживаются в высказываниях, появляющихся в интервью и анкетах: «эта инаковость для меня чужда, мне трудно ее принять», «это уже не просто другое – это чужое для нашей культуры, чужое для меня», «эта инаковость чужда моим стандартам». Осознание разной оценочной наполненности понятий *чужой* / *другой* / *недруг* / *враг* обуславливает, что в высказываниях на тему чужого представители неправительственных организаций, энтузиасты культурной открытости все чаще заменяют понятие *чужой* понятием *другой*. В то же время защитники национальной идентичности последовательно пользуются понятием *чужой*, выделяя его негативные культурные коннотации. В рамках перспективы интерперсональной коммуникации разграничение восприятия иммигрантов, беженцев, меньшинств как *чужих* или *других* является весьма существенным. Наблюдение за поведением людей в связи именно с этими категориями помогает идентифицировать источник антагонизма, ненависти в отношениях между группами, отличающимися друг от друга в культурном отношении.

Профилирование понятий *патриотизм*, *национализм*, *чужой* / *другой* подводит нас к разговору о категории **толерантный – нетолерантный**. Часто в интернет-спорах молодые поляки утверждают: «я толерантен, но...», «Польша всегда была толерантной, принимала чужих, я тоже могу быть толерантным, но...». Важнее всего здесь это *но*, которое позволяет определить реальное отношение к религиозной, этнической, национальной инаковости. Все названные выше словари концентрируются на одном аспекте толерантности – уважении (снисхождении) к чьим-либо взглядам, верованиям, предпочтениям, поведению, которые отличаются от наших [8, 9, 10, 12]. Проблема, однако, связана с тем, что означает в этих дефинициях слово *уважение*: объем понятия, его правовые и конвенциональные границы в словарях не определены. С точки зрения респондентов, высказывания типа «пусть себе исповедуют свою религию, но мечети пусть строят в больших городах, не у меня», «я не буду выходить из класса на молитву», «он живет в Польше и в общественных местах должен говорить по-польски», «евреи только о холокосте все время, как будто других не убивали» свидетельствуют не об отсутствии

толерантности, а о том, что чужие не интегрируются в польское общество. Не являются проявлением нетолерантности и такие высказывания, как «она живет в Польше, пусть одевается как полька», «они должны жить, как мы, а не выделяться» – респонденты убеждены, что это всего лишь мнения. Как нетолерантные интерпретировались только вульгарные, агрессивные действия и высказывания, однако и для таких сообщений находились оправдания: «не следует так говорить, но вообще он прав», «может быть, лучше выбрать другой язык, но нервы не выдерживают». Неприятие инаковости объяснялось необходимостью помочь соотечественникам, защитой собственной культурной и религиозной идентичности, недостаточно высоким экономическим статусом поляков.

Негативное отношение к чужим не является тотальным, хотя обнаруживается достаточно часто. Нельзя также утверждать, что эта позиция характерна исключительно для молодежи; однако важно, что она имеет место именно в этой среде: молодые люди находятся на этапе формирования общественных взглядов и этики, которыми они будут руководствоваться во взрослой жизни. Кроме того, процитированные выше ответы свидетельствуют о семантической и оценочной модификации понятия *толерантность*. *Толерантность* в большинстве контекстов все еще связывается с положительной оценкой; мы хотим, чтобы нас считали толерантными, поэтому ограничиваем текстовые коннотации этого понятия до следующей – ‘снисхождение к отличности, допущение отличности без ее усвоения, согласие с существованием отличности’. Исключаются коннотации ‘открытость для инаковости’, ‘принятие’, ‘интерес к инаковости’, ‘помощь в сохранении разнообразия’.

О современном понимании толерантности свидетельствует письмо ученицы средней школы, в котором она пытается ответить на вопрос о том, что такое толерантность.

«Что такое толерантность? Термин происходит от латинского слова «tolerare», что значит «снисходить, терпеть». Значит, можно сказать, что это допущение существования кого-то или чего-то, что нам не нравится, что мы не поддерживаем и чего мы не хотим по причине, например, цвета кожи, религии, происхождения или сексуальной ориентации. Это обозначает равнодушие к тому, что нас не касается. Зададимся в связи с этим вопросом: толерантность – это преимущество или, может быть, недостаток? Соблюдение дистанции по отношению к инаковости я считаю недостатком. Толерантный человек не только толерантно относится к инаковости, то есть не только «терпит» ее, но и считает естественной и само собой разумеющейся» [17].

Школьница считает, что актуальное понимание термина *толерантность* связывает его с отрицательным аксиологическим полем. Негативная оценочность этого понятия подтверждается ответами: «толерантность – это бредни леваков из Евросоюза», «если они такие толерантные, пусть примут этих террористов у себя дома», «эта толерантность – глупость, которая нам угрожает». Только исключение части коннотаций нейтрализует, с точки зрения молодежи, понятие *толерантность*.

Исследование польско-цыганских отношений, проведенное мною в 2008-2012 гг., показало, что ученики польских школ воспринимают и реализуют разные общественные позиции по отношению к чужим [18].

Наиболее антиинтеграционную общественную позицию представляло собой поведение (которое некоторыми вполне принималось как неагрессивное), предполагающее пассивное отрицание всего отличающегося. Поведение данного типа основывается на отказе от восприятия различий, отсутствии интереса к другим / чужим, исключении их из личного пространства. Такое отчуждающее отношение к отличающимся в культурном отношении членам общества затрудняет построение глубоких связей, угрожает социальной стабильности и в случае слишком интенсивного культивирования инаковости меньшей частью общества может привести к неконтролируемым агрессивным действиям. Эта позиция не негативизируется, поскольку ее трудно выявить: пассивность не требует вербального и невербального самоопределения, не отправляет никаких сигналов, нуждающихся в оценке. Следовательно, ошибочно считать, что молодые люди, не принимающие участия в дискуссиях на тему инаковости, толерантны.

Еще одна позиция – это нетолерантность. Нейтрализовать действия, связанные с нею, легче, так как они характеризуются определенными вербальными и невербальными идентифицирующими чертами. С высказываемыми взглядами можно дискутировать с использованием аргументов и научной доказательной базы, а также эмоционального воздействия, можно противостоять не нравящейся позиции. Определение собственных взглядов позволяет строить отношения, пусть даже непростые. Продуманный, предполагающий разумное взаимодействие дискурс снижает уровень агрессии и неприятия. Осуществляемые нами исследования подтверждают, что самым частотным источником нетолерантности является страх перед неизвестной инаковостью, эксплуатация негативных стереотипов, то есть незнание или знание поверхностное, неverified, неуглубленное. Каждая попытка расширения этого знания провоцирует появление вопросов, инициирует дискуссию, увеличивает открытость по отношению к инаковости, заставляет модифицировать собственную позицию. Обмен мнениями, таким образом, играет позитивную роль, однако электронная коммуникация как раз характеризуется таким недостатком, как ограничение пространства общения идеологически однонаправленными виртуальными группами. В этом отграниченном пространстве ищут подтверждения своим убеждениям, а не новых знаний.

Следующая позиция – ограниченная толерантность. Считается, что позиции, основанной на толерантном отношении, достаточно, чтобы выстроить адекватные отношения на границах между культурами. Однако модифицированное семантически и аксиологически и принятое на сегодняшний день понятие *толерантность* не включает коннотаций ‘принятие’, ‘открытость’, ‘стремление к познанию’. Интерпретируемая подобным образом толерантность позволяет другим быть другими, требуя, однако, при этом, чтобы они

не никого эпатировали своими отличиями, чтобы не культивировали их. Их присутствие терпят, к ним снисходят.

В традиционной интерпретации понятия *толерантность* выделялись коннотации 'снисхождение', 'согласие', основная коннотация – 'принятие'. Это наиболее открытая по отношению к инаковости общественная позиция. Она характеризуется не только узко понимаемой толерантностью по отношению к инаковости, но также удовольствием от разнообразия, усиленное интересом к Другому и стремлением познать его. Такое отношение к инаковости делает возможным построение глубоких связей, основанных на обмене культурной информацией, а это, в свою очередь, формирует двунаправленность названных связей. Получаемые таким образом знания являются фактором, способствующим развитию мультикультурного общества [19].

Перемещение понятия *толерантность* в семантическом поле не только приводит к коммуникативным сбоям и затрудняет эффективную коммуникацию, но и обуславливает появление переводческих проблем. Для английских редакторов было сложно понять фрагмент польской статьи, где негативизировалась позиция, основанная на толерантности в узком значении, поскольку в семантической структуре соответствующего английского слова нет такого ограничения компонентов. В английском это все еще название положительной ценности, занимающей высокие места в аксиологических опросах; в современном польском языке, как мы увидели, *толерантность* – это все чаще только смирение и снисхождение, об уважении речь идет редко.

Заключение

В польских публичных дискуссиях доминирует тенденция к использованию в качестве аргумента названий ценностей. Это приводит к специфическому использованию таких единиц в тексте, следствием чего являются семантические сдвиги. Такое положение вещей вызвано представлением, что названия ценностей – это понятия, коннотации которых можно произвольно выделять в зависимости от идеологических нужд. Выделение избранных коннотаций приводит к перемещению отдельных ценностей из отрицательного оценочного поля в положительное (например, *национализм*), реже наоборот (например, *толерантность*). Еще одна техника аксиологического разграничения – использование в текстах двух синонимичных понятий, сопровождающееся изменением их ценностного наполнения, которое зависит от точки зрения говорящего – энтузиаста культурного разнообразия или человека, стремящегося к сохранению беспримесности национальной культуры (например, *другой, чужой*).

Похожие процессы связаны с неспециализированным определением других понятий / названий ценностей, эксплуатируемых в дискуссии о чужом, что влияет на эффективность такой дискуссии. Дискутирующие стороны, вербализуя свои позиции, пользуются одними и теми же языковыми знаками (лексемами, понятиями), однако, поскольку эти знаки понимаются сторонами по-разному, коммуникация становится неэффективной, сообщение утрачивает смысл. Это влияет и на образовательный процесс, так как назван-

ная тенденция особенно сильна на границе поколений, то есть в первую очередь касается отношений учитель – ученик.

Описанное положение вещей – это не единственный результат замеченной нами семантической модификации понятий. Язык не только регистрирует культурные изменения, что проявляется в вышеупомянутых семантических сдвигах давно известных понятий, но также формирует сознание, общественные взгляды, закрепляет систему ценностей, а потому очень важен вопрос о том, какие общественные последствия вызовет изменение коннотаций таких понятий, как *национализм, толерантность, чужой*, и насколько глобально это явление.

Литература

1. Grzelak E. Między wolnością a zniewoleniem, czyli w jaki sposób rozwój technologiczny determinuje komunikację międzyludzką/ M. Karwatowska, A. Siwiec// *Przeobrażenia w języku i komunikacji medialnej na przełomie XX i XXI wieku*. Lublin 2010. s. 261-273.
2. Zob. Grzelak E. Inny w Polsce. Komunikacja interkulturowa w państwie narodowym / *Porównania* nr 16, Poznań 2015, ss.147-163.
3. Descartes R. *Prawidła kierowania umysłem. Poszukiwanie prawdy przez światło przyrodzone rozumu*. Warszawa 1960.
4. Zob. Grzelak E. Prawda w dyskursie naukowym / M.Karwatowska, R.Litwiński, A.Siwiec // *Człowiek, zjawiska i teksty kultury w komunikacji społecznej* Lublin 2015.ss. 269-285.
5. Wittgenstein L. *O pewności*. Warszawa 1993.
6. Serafima Evgen'evna N. Stereotypy jako bariery kulturowe./ J.Anusiewicz, J.Bartmiński // *Język a Kultura, Stereotyp jako przedmiot lingwistyki: teoria, metodologia, analizy empiryczne*, t.12, Wrocław 1998, s.155-159.
7. См. Bartmiński J. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin 2006.
8. Linde S.B. *Słownik języka polskiego*. Lwów 1807-1814.
9. Doroszewski W. *Słownik języka polskiego*. Warszawa,1958-1969.
10. *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* / H.Zgólkowa, Poznań 1994-2005.
11. *Wielka ilustrowana encyklopedia powszechna*, Kraków 1929-1938.
12. *Słownik wyrazów obcych* /I. Kamińska-Szmaj, Wrocław 2001.
13. *Język, wartości, polityka. Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych*/J.Bartmiński Lublin 2006.
14. Все цитируемые без комментариев ответы респондентов взяты из анкет, интервью и сообщений в социальных сетях.
15. См. *Loża prasowa, TVN24*, 3.07.2016.
16. *Encyklopedia socjologii.Suplement*. Warszawa 2005. Ss.165-170.
17. Фрагмент письма, которое ученица опубликовала в школьной газете, на странице Объединения общеобразовательных школ в Опаленице 15.09.2015.

18. Исследования проводились в рамках проекта «Образование для интеграции» (программа повышения уровня языкового образования цыганских детей и молодежи), который финансировался из средств Европейского общественного фонда Евросоюза (РО KL 01.03.01-00-179/09). Мною были предложены образовательные модули для польско-цыганских классов, которые могли бы быть модифицированы с учетом языкового релятивизма и использованы не только в классах, где учатся представители разных культур, но в любых других.

19. См. Grzelak E., Grzelak-Piaskowska J. Intercultural communications. Roma-Polish relationships In school environment – early educations stage / Studia Europea Gnesnensia 7, Gniezno 2013, ss. 113-140.